Потерянные в 1986-м

16 декабря исполнилось 35 лет с момента декабрьских событий (https://voxpopuli.kz/527-tsena-nezavisimosti/) в Алматы на площади

Брежнева (Площадь Республики). Тогда студенты вышли на улицы столицы с требованием отменить решение о снятии с должности первого секретаря компартии Казахстана Динмухамеда Кунаева и замене его на Геннадия Колбина, первого секретаря Ульяновского обкома партии. В течение трех дней в городе происходили жестокие столкновения студентов и милиции. В результате 99 человек были привлечены к уголовной ответственности, 2 из них приговорены к высшей мере наказания.

VoxPopuli продолжает публиковать архивные материалы, посвященные декабрьским событиям. Сегодня мы предлагаем вспомнить истории 15 «декабристов», записанные с их слов.

автор проекта: Карла Нур

текст: Зарина Ахматова

Бахыткали ТАУБАЕВ, 57 лет

Обида осталась. Знаете, я все думаю сейчас – если бы тогда меня так не гнобили, я, быть может, пожалел, что на площадь пошел. Но из меня сделали бунтаря и врага народа. В 86-м я работал столяром на стройке, позади армия, летные войска в Оренбурге. 17-го ребята со стройки собрались и куда-то пошли. Я вышел на улицу. В парке 28-ми героев-панфиловцев выступал оратор, хорошо говорил, убедительно. О языке, о правах, о родной земле, о мирном протесте. Он смог повести за собой и мы пошли на площадь. По пути, недалеко от погрануправления, вверх по улице Дзержинского, случилась стычка между нами и дружинниками, военные подоспели. Возле меня было двое ребят. Одному студенту пробили череп, до сих пор помню имя – Бейсембеков Ерлан. Мне попало, саперной лопатой били. Привезли в РОВД, допросили, отпустили. После Нового года меня закрыли, сказали: если укажешь кого-нибудь в фотоальбоме, то отпустим, нет – сядешь. Я их не знал. Как я могу сказать то, чего мои глаза не видели? Зато мои обвинители смогли. Так называемые свидетели даже не описали одежду, в которой я был в день ареста. Сказали, что я ворвался в здание погрануправления, вырвал решетку. Я Рэмбо? Я – столяр. Там решетка — ломом не выбьешь. Прокурор просил 10 лет. Кое-как снизили срок до 4-х лет, тогда у меня было двое маленьких детей. В Караганде сидел. Дожимали. Я на администрацию

работать не стал. Чуть что — в карцер закрывали: «Этот декабрист опять бунтует. Добавили 2 года за оскорбление советской власти, якобы погон сорвал с дежурного в тюремном дворе. Я объявил голодовку, похудел до 49 кг. Закрыли на три месяца в подвале, потом отправили в Павлодар. Там в тюремной столовой я подрался с поваром – видел, как он выносил флягу со сметаной, ту, что нам не додавали. Снова «одиночка», светил еще один срок. В 88-м стали пересматривать наши дела, освободился в 90-м. На свободе меня несколько лет прессовали. На соседней улице кто-нибудь подерется, так меня в РОВД тащат, бьют. Долго работу найти не мог. Один человек мне помог, взял водителем дежурного автобуса. А вообще все это я стараюсь не вспоминать. Я вот только одного человека вспоминаю – полковника Воробьева. Он единственный выслушал мою версию, по-человечески разговаривал.

Сейчас я не работаю. Здоровья нет, тюрьма сказалась, возраст, болезни. У меня четверо детей, учатся, дочка на стажировку скоро поедет в Америку. Сами пробиваются, я не могу платить за их учебу. Внуков воспитываю. Счастлив ли я? Мои дети – мое счастье. Когда сидел, я за четыре года детей и жену видел всего три раза. В остальном только письма и фотографии, мы их читали и рвали сразу. Чтобы против нас ничего не использовали. После освобождения прошло столько лет, а я до сих пор пытаюсь наверстать то, что не додал семье.

Анар СЕРКЕНОВА, 51 год

Мне было 18 лет, у меня был ярковыраженный юношеский максимализм. А почему это произошло? Сейчас никто на этот вопрос не ответит. И даже мои друзья по несчастью, наверное, до конца не говорят правды. Я за все эти годы не читала ни одного стоящего материала на эту тему, такого, чтобы объяснил, что произошло. Я не люблю это вспоминать, потому что в 18 лет я получила сильную психологическую травму. Я ведь до сих пор считаю, что я имела право это говорить. Националисткой я вообще не была, я выросла в русской деревне Медведка. В 1986-м я была в Талды- Кургане, училась на юриста. Сарафанное радио передало, что творится в Алматы. Мы собрались с друзьями, вышли на городскую площадь. Нас благополучно разогнали. Меня вызвали, поговорили, сказали, что меня может исправить только тюрьма. Осудили 30 декабря, Новый год я встречала уже в за решеткой. Дали 1,5 года. Отсидела, что называется, от звонка до звонка. Родители тяжело переживали, мать парализовало. Отец умер два года назад – последствия тех лет... Это было непросто. Я училась в юридическом техникуме, туда было трудно поступить, мечтала стать или прокурором, или судьей, а получилось – зэком. Собрав силу в кулак, я после освобождения уехала в Алматы, пожила на вокзале пару недель, потом нашла себе работу на фабрике головных уборов. Позже я все-таки восстановилась в техникуме, вышла замуж, родила двух дочек. Все-таки стала юристом. Сейчас тружусь в транспортной компании. Я вспоминаю слова своего отца, которые мне тогда сказал: «Когда-нибудь все встанет на свои места». И вы знаете, недавно я узнала, что тот судья, который осудил меня, 18-летнюю девчонку, за то, что я постояла на площади, проходил по громкому делу судей Верховного Суда, он был снят с поста. Тогда, 26 лет назад, мне не было и 20. Я нашла силы начать жизнь заново. Сегодня ему далеко за 50, начинать в этом возрасте жизнь гораздо сложнее.

Нурлыбек КУАНБАЕВ, 55 лет

Шум. Крики. Площадь забита. Мы ушли с первой пары и отправились на площадь. Пели «Менің Қазақстаным». Полетели снежки, потом камни. В ход пошли дубинки. Когда стемнело, на площади появились пожарные машины, водой поливали. Я помню, что было холодно, очень холодно. У одного парня из нашей колонны был транспарант, это осложнило наше положение. Следственная группа стала всех допрашивать.Транспарант – это уже участие, даже организация. Нами занималась прокуратура Казахской ССР, может, поэтому нас не избивали так, как других, не издевались. Меня не посадили, но отчислили, исключили из ВЛКСМ, взяли расписку о том, что до 1 марта 1987 года мы покинем город. Сделали все, чтобы закрыть путь в будущее. Я уехал домой в Кызыл-Орду. Это потом я узнал, что местные органы по секретной почте получили на меня разнарядку – пристальный надзор. Тогда я не понимал, что это такое. Вскоре начала работать комиссия Шаханова, а в 1992 году вышел указ Назарбаева о реабилитации желтоксанцев. Я вернулся в Алматы, восстановился в университете. Но мне уже было 25 лет, а физика, тем более в КазГУ, это сложно. Женился, у меня сейчас трое детей. Я потом работал. Последнее место работы – учитель географии в школе, с мизерным окладом. Нам несколько лет обещали 100 % надбавки к зарплате. Я пришел в кассу и мне добавили чуть больше трех тысяч тенге. Сказали, что предыдущие годы добавляли

по 15 процентов. Я уволился в тот же день. Сейчас я занимаюсь общественной работой – председатель РОО «Народно-патриотическое движение «Желтоксан».
Знаете, я никогда не жалел ни о чем ни грамма. У каждой нации есть исторический момент, когда надо пройти испытание. Если это выпало на наш век, значит, так должно было быть. Но самое тяжелое началось после – заработал маховик репрессий. Вы понимаете, тогда никто не мог нас защитить. Даже наши отцы, которые воевали. Мой отец был коммунистом. Его тогда вызвали на ковер, сделали выговор, но он никогда меня не ругал. Никогда. Нам до сих пор не могут дать официального статуса. Это, наверное, единственное, чего мне для счастья не хватает.

Журсин ТАСТЕКЕЕВ, 54 года

1986 год, физфак КазГУ, мне 21 год. Мы поверить не могли, что за каких-нибудь 18 минут сняли первого секретаря ЦК и поставили человека, который даже не был ни разу в Казахстане. 17-го мы с пацанами в общаге накрыли дастархан – наш сокурсник плов приготовил. Тут мы услышали шум с улицы. Толпа народу. Дастархан так и остался стоять нетронутым. Уже на площади мы требовали Кунаева, верили, что он выйдет и что-то нам объяснит. Но вместо этого на сцену поднялись прокурор и другие представители власти – предупредили, что нам лучше разойтись. К вечеру дали команду разогнать демонстрацию. Они не смотрели, кто перед ними – девушка, парень. Досталось всем.

Мне попало дубинкой, убежал с площади, вернулся в общагу. Наши собрались за остывшим дастарханом. А девочки из группы плачут – думали, меня убили. Я самый последний вернулся. На следующий день мы снова пошли на площадь. Ощущение – будто ты во сне. И страха нет особого. Кто-то из ребят говорил – если простоим три дня, то вмешается ООН и мировая общественность обратит на нас внимание.
Я вспоминаю момент. Идем, смотрим, ДНДшники – добровольная народная дружина выстроена на подступах к площади. Тогда же русских пугали, сказали, что мы детские сады громим, убиваем, калечим русских... Им выдали нарезную арматуру, камни у них были. Мне, пацану, было страшно. Я смотрю на них и вижу: им тоже страшно. Кто-то из мужчин сказал: «Ребята, туда уже не пробиться, идите домой». Мы не послушали, конечно. На подходе к площади увидели автобус. Нас попытались задержать. Мы стали убегать, многих поймали. Затем всех стали по одному вызывать на допрос в прокуратуру. Почему-то меня одного с нашего потока не вызывали долго. У меня было такое ощущение, будто я предатель. Наконец на лекцию зашли двое в костюмах. Декан стал возмущаться. Они извинились, сказали, что в последний раз. Тогда я поднял руку и попросил разрешения выйти. Сам. А с нами — на физфаке, где физика преподавалась на английском языке, учился тогда мой земляк Курмангазы Рахметов. Мы его все до сих пор все уважаем. Он никого не сдал, сам был осужден на 7 лет. Был громкий процесс. И вот меня стали спрашивать, был ли я на площади, откуда я родом. Я сказал – Семипалатинск. Тогда они зацепились: «Ты знаешь Рахметова? Ах, значит, вы вместе все это организовывали!» Потом ребята в общаге мне говорят: «Ты зачем сказал, что ты там был?! Завтра пойдешь, отрицай». На следующий день, меня завели в другой кабинет. Старший по званию спрашивает: «Зачем его привели? Ты был на площади?» Я сказал: «Нет». Тогда он велел меня отпустить: «Что у нас дел мало, что ли?». Я пошел по коридорам и увидел Курмангазы, его куда-то вели. Рядом с ним – огромный такой мужик. Я подошел поздороваться. И тут меня в оборот взяли: «Земляк твой? Говоришь, не был на площади? Подожди, мы сейчас твою фотографию поищем». Он вышел из кабинета. Курмангазы сказал мне: «Беги отсюда, там на каждой странице твоя физиономия». Я ушел, дальше как у всех – отчислили, обязали покинуть город до 1 марта 1987 года. На стройке работал. А ведь мечты были. Вы понимаете, в то время поступить в КазГУ на такой факультет мальчику из провинции было очень сложно. Я учился в школе хорошо, ни одной тройки. Поступил, хотел наукой заниматься. И так все рухнуло...
Сегодня я детей воспитываю. Занимаюсь предпринимательством. Все равно – не жалею ни о чем. Мы, потерянные в 1986-м, получили независимость – это жирная точка в этой истории. Самая главная точка.

Абайдулла РУЗИЕВ, 55 лет.

Как это: «Зачем вышел, если не казах?» Да, я не казах, но я в Казахстане жил и живу. В 1986-м мы на улицу вышли всей общагой. Я тогда работал на заводе имени Кирова учеником стерженщика. У нас общежитие было многонациональное: казахи, уйгуры, азербайджанцы, турки и татары. Все организованно вышли на мирную демонстрацию. Тогда мы не занимались политикой. Мы боролись с несправедливостью. Собрались против диктата центра, человек 500. Из этих 500 сроки получили только двое. Один из них – я. На площади на трибуну вышли люди из Дома Правительства, сказали, чтобы мы расходились, но никто не ушел. Тогда они запустили несколько человек в здание, вроде как на переговоры. Мы этих ребят больше не видели. Потом, вы знаете, стали разгонять студентов. Били нас курсанты. Я сопротивлялся. Мы тогда в ответ пожарную машину подожгли, которая нас водой в такой мороз поливала. Это мог бы быть анекдот смешной, да? Пожарная машина – сгорела...

Нас увезли в Калининский РОВД, 15 суток отсидел. Оштрафовали на 15 рублей и отпустили. Я свою вину не признал, через месяц за мной пришли в общежитие. Осудили на пять лет. До сих пор помню фамилии «пострадавших» – Бриль и Манахаев. Сидел сначала в Гурьеве, потом отправили на Мангышлак, и затем — в Кемеровскую область на лесоповал. В общей сложности 3,5 года отсидел. Я сам из Чиликского района,

Алматинской области, село Каратурык. Знаете, я так жизнь свою планировал – думал, выучусь на заводе на токаря или фрезеровщика, потом, может, в будущем квартиру от завода дадут. В городе жить буду. Не получилось. А когда на свободу вышел, на завод не вернулся, хоть и звали. Не по-человечески это – возвращаться. Из-за меня у них тоже проблемы были. Уехал в свое село Каратурык, работал на стройке, потом табаководом. Сейчас земледелием занимаюсь – овощи, фрукты, живем потихоньку. Ну, и детей воспитываю. Жалеть — не жалею. Здоровье, правда, отбили, во всех смыслах. Сейчас на площадь бы вышел, наверное, только для того, чтобы какой-то статус отстоять. Для нас, желтоксановцев. А тогда – молодые были, верили в справедливость. У нас в общаге был закон такой: одного брата обидели, мы все за него заступались. Такого не было: «Буду – не буду, казах – не казах». Была, как нам казалось, несправедливость, мы все вместе с ней боролись.

Алимжан ОМАРОВ, 50 лет

У меня день рождения — 17 декабря. Это мне помогло на суде. Я запомнил формулировку на русском: «на время совершения преступного деяния был несовершеннолетним». Таким несовершеннолетним из Шымкента в Алматы я приехал в 8-м классе, у нас в семье было 7 детей, я второй. Учился в школе-интернате с физико-математическим уклоном, закончил, поступил в КазГУ. В тот день молодежь шла по

улицам с криками «Жаса, Казахстан!». Меня сдал однокурсник. Зачем говорить, кто это? Он с этим живет, не я. Допрашивал меня следователь из Джамбула. Мы тогда плохо русский знали. Он меня по-казахски спрашивает, а по-русски пишет. Я подписываю. Все, что хотели, то они тогда и написали. Потом выяснилось, что я выступаю на суде свидетелем по делу Курмангазы Рахметова, якобы я подписал бумагу, где я его обвиняю. Переводчик на процессе мне это перевел, и я прямо в зале суда отказался от этих слов. Они мне сказали, что теперь меня привлекут за дачу ложных показаний. Я согласился, я не могу человека оклеветать. Я в глаза ему смотрел на суде. Во всех газетах написали про дело Курмангазы. Там же упоминали меня. Из университета отчислили, ничего не сказал отцу. Думал: даже если 2 года дадут, напишу письмо, что в армию забирают. Как я в глаза им смотреть буду? Но отец все прочитал в одной из таких статей. «Сынок, это правда ты?» Пришлось рассказать. Он не ругал, он верил мне.

Я стал искать адвоката. Никто не брался защищать «врага народа». Согласилась только одна девушка, выпускница юрфака. Это было ее первое дело, она хорошо подготовилась. Собрала материал, нашла подтверждения того, что я хорошо учился, со школы работал, грамоты имею. Прокурор просил 4 года колонии. Я когда услышал, будто под дых получил. В итоге дали шесть месяцев условно, отправили на «химию». *(Условное осуждение с обязательным привлечением к труду – V.P.)*
Я поехал домой работать. Меня угнетало только одно – я подвел родителей. Из нас же сделали наркоманов и тунеядцев, «врагов народа», показывали пальцем. Я работал в бригаде, мы вязали виноград, думал — с ума сойду. Слышу — меня же обсуждают. И я не могу в свою защиту ничего сказать. Вы не знаете, что это такое. Попросил отца найти работу такую, чтобы не было людей рядом. Меня устроили помощником пастуха. И я вздохнул тогда. Степь, овцы, и ты один. Можно подумать обо всем. И так полгода. Я тогда думал, что никогда не вернусь в Алматы, ненавидел этот город. Я ведь хорошо учился, когда уезжал, то все знали, что родители мною гордились. После того, как срок закончился, я ушел в армию, служил в Монголии. В 91-м восстановился в университете, закончил, поступил в аспирантуру. Но потом научную деятельность пришлось бросить – тяжело было, надо семью кормить: торговал на базаре, работал грузчиком, за любую работу брался. Выжили. И знаете, из всех этих уроков я извлек главный: чтобы ни случилось, нельзя терять лица, надо остаться человеком. Я хочу верить, что у меня получилось.

Эльмира, 50 лет

Мне было 17 лет, девочка из глубинки. Я закончила профтехучилище, по распределению пошла на работу. Все говорили про забастовку на площади, мы из общежития пошли туда. На улице было много людей, мы шли по Абая и людей все пребывало. Нам наперерез вышли три милиционера и натравили на нас собак. Парни, конечно, разозлились, в итоге вся толпа прошлась по собакам. Тогда без предупредительных выстрелов стали стрелять в толпу. Я не знаю, какие это были патроны. Но этот поступок – ночью, по живым людям, без предупреждения. По-моему, никого не ранило. Тогда мы озверели... Парня этого, милиционера, избили. Пока мы шли до площади, я все время думала: жив или нет? Многие годы я думала: кто из нас был прав? Можно было ли стрелять, будто мы не люди?

На площади негде было ложку положить. Может, это было ответом на мой вопрос. Нас выгоняли, мы заходили с другой стороны. Нас поливали холодной водой. У меня были длинные волосы, наутро в них был лед. Я помню это ощущение – шуршащий, колючий лед в волосах. Мы жгли костры, чтобы согреться. После этих событий, меня и еще одну девушку до марта таскали в РОВД. Нас двоих хорошо тогда помучили, тогда многих мучили... Одну девушку считали мертвой, она в морге очнулась. Мы все через что-то прошли. Многие не хотят это вспоминать. Отец тогда меня поддержал. Мама... Маму я

сейчас понимаю, когда у меня трое детей. Я бы как мать своих детей никуда не отпустила, сама бы пошла. Это материнский инстинкт.
С годами эта дата для меня, может, и станет праздничной, но пока она просто важная. Каждый декабрь, в эти дни, в сердце поселяется какая-то тревога. Наверное, 26 лет мало для того, чтобы она исчезла.

Нурман ШЫНЫБАЕВ, 54 года

Я из Чунджи, в 1986-м учился в техникуме. Никто не понимал, как это – студентам из казахских школ учиться на русском. Мы все были какие-то потерянные. Там, где русский получит пятерку, мы получали четыре только потому что с языком было трудно. Сессию закрывали самыми последними. Поэтому мы тогда вышли на площадь. Мы были не против русского, мы были против не казахстанца. Мы бы согласились на человека, который отсюда, который знает нашу страну.
Сначала все было мирно. Все, что кипело – кипело внутри. Но чтобы остановить демонстрацию, нужны были провокации, драки, это дало бы повод разогнать нас. Мы пели нынешний гимн. Когда начали разгонять людей с площади, меня закрыли в УАЗике, продержали полчаса. Пришел какой-то полковник, отчитал, выпустил. В конце концов, меня все же задержали, и на меня нашелся «потерпевший», который утверждал, что я был похож на человека, который его ударил. Дела тогда быстро фабриковали, через

месяц осудили на 8 лет. Столько за убийство дают, а я никого не убивал. Мать заплакала тогда в зале суда. Потом по этапу — Мангышлак, Кызыл-Орда, Экибастуз, Джамбул. В 87-м году отец с матерью приехали навестить меня в Кызыл-Орду. Больше отца я не видел, через год он умер.

Через 2,5 года с меня сняли одну из статей. Всего я отсидел три года. Я учился, был одним из лучших студентов. А тут, в одночасье, стал самым ужасным преступником, лишился будущего и близких людей. Это справедливо? Это – несправедливо.

Аскар БЕКБОСЫНОВ, 53 года

В школе я хорошо чертил, поэтому после армии поступил в архитектурный техникум. Хотел дома строить, это хорошее дело. А попал в казенный дом. Я сам из Аральска, в Алматы жил в общежитии техникума, это от площади меньше пяти минут ходьбы. Я пошел, конечно, на площадь, когда узнал в чем дело. Я, кстати, был старостой общежития. Маленьких не пускал – ну, которым, лет по 15, которые после 8-го класса поступили. Девчонок не пускал из общежития. А тех, что постарше, сам собирал. У нас портрет Ленина был. Взяли у девочек помаду, написали слова вождя мирового пролетариата про то, что каждому народу – свой вождь. С этим портретом меня и сфотографировали.

Я помню, когда машину пустили в толпу, люди стали падать. Друг на друга. И это как...

так листья с деревьев падают, так люди падали, понимаешь? Когда тебя дубинкой бьют, еще не так страшно, но всех били – девчонок били. Сделали из нас алкашей и наркоманов. А я тогда не курил даже, это сейчас курю. На Новый год я успел съездить домой в Кызыл-Орду. Вернулся в Алматы. Все шарахаются от меня в техникуме, но никто ничего не говорит. Друга своего нашел, он сказал, что меня ищут уже несколько недель. Я два дня пролежал у себя в комнате. Потом надел парадный костюм, даже галстук повязал и вышел на занятия. В тот же день на пары пришли двое, тоже в галстуках. Меня забрали, месяц продержали в подвале КПЗ. Там вообще ничего не было: ни постели, ни матраца, ни нар. Допрашивают, избивают, в подвал, так день и ночь. Там даже окон не было, я потерял счет времени. Периодически ко мне в камеру приводили каких-то людей, тоже избитых. Тоже, наверное, их допрашивали. Один парень мне подсказал: попросись в изолятор на Сейфуллина, тебя тут незаконно столько держат. Я попросился. А там, представляете, даже по часу прогулки полагалось! В итоге меня осудили на 2 года. Я с таким облегчением вздохнул. Как почему? За это время я был уверен, меня или пожизненно посадят или расстреляют. В итоге меня отправили в Балхаш, я в тех краях в армии служил. Мать потом говорила: тебя в Алматы нельзя отпускать, ты чуть что на 2 года пропадаешь в Джезказганской области. То в армию, то в тюрьму. Сидел я, в общем, нормально. Там тоже люди. Правда, в 87-м меня переехал погрузчик – ногу сломал. Меня перевезли в Карлаг, я думал, ногу отрежут. Как «врагу народа». Нет, оставили.

Сейчас у меня дети есть, три дочки и один сын. Что говоришь, в рай попаду? Да хоть в ад, только не в Балхаш. Счастливый ли я? Вот на этот вопрос точно не отвечу. Трудный. Я много мечтал, но не все сбылось. Тогда на площади мы боролись за независимость, мы ее получили. Но если честно, мы не о таком государстве мечтали. Я хотел, чтобы люди все жили хорошо, не так как сегодня: кто-то в золоте, а кто-то голодает.

Кенжебай ОТАРБАЕВ, 55 лет

К 1986-му году я уже успел отслужить в Тольятти, вернуться в свою родную Джамбульскую область, затем поработать в Бишкеке, тогда таких границ не было, все было проще и ближе. Потом из армии пришел одноклассник, я его дождался и в 85-м мы вместе приехали поступать в Алматы, в политех. В тот год не смогли поступить. Днем работали в СМУ, вечером ходили на курсы, я очень хотел стать инженером: даже на танцы не ходил, только готовился к экзаменам и работал. Но, оказывается, не судьба была. 17-го мы как раз сдавали объект, из окна которого была видна площадь, которая заполнялась. Человек 6-7 нас было, мы ушли с объекта. Пели, требовали Кунаева, держали плакаты. Несколько человек запустили в Дом Правительства, потом мы узнали, что их там избили и арестовали. На следующий день мы снова приехали. Я помню момент, когда началась стычка. Я как раз стоял в середине – возле магазина «Океан». Смотрим – все начали бежать, мне разбили голову, сломали палец. Я обратился в травмпункт, там меня и задержали, отвезли в СИЗО в районе вокзала Алма-Ата I. Четыре камеры парней там было, две – девушек. Били конкретно, не кормили. Только вечером – полкружки чая и кусочек хлеба. Все в камере были избиты – у кого глаз заплыл, у кого нога сломана – не было там здоровых. Меня продержали до Нового года. Я съездил домой, вернулся, снова задержали. Посадили в «стакан», знаете, что

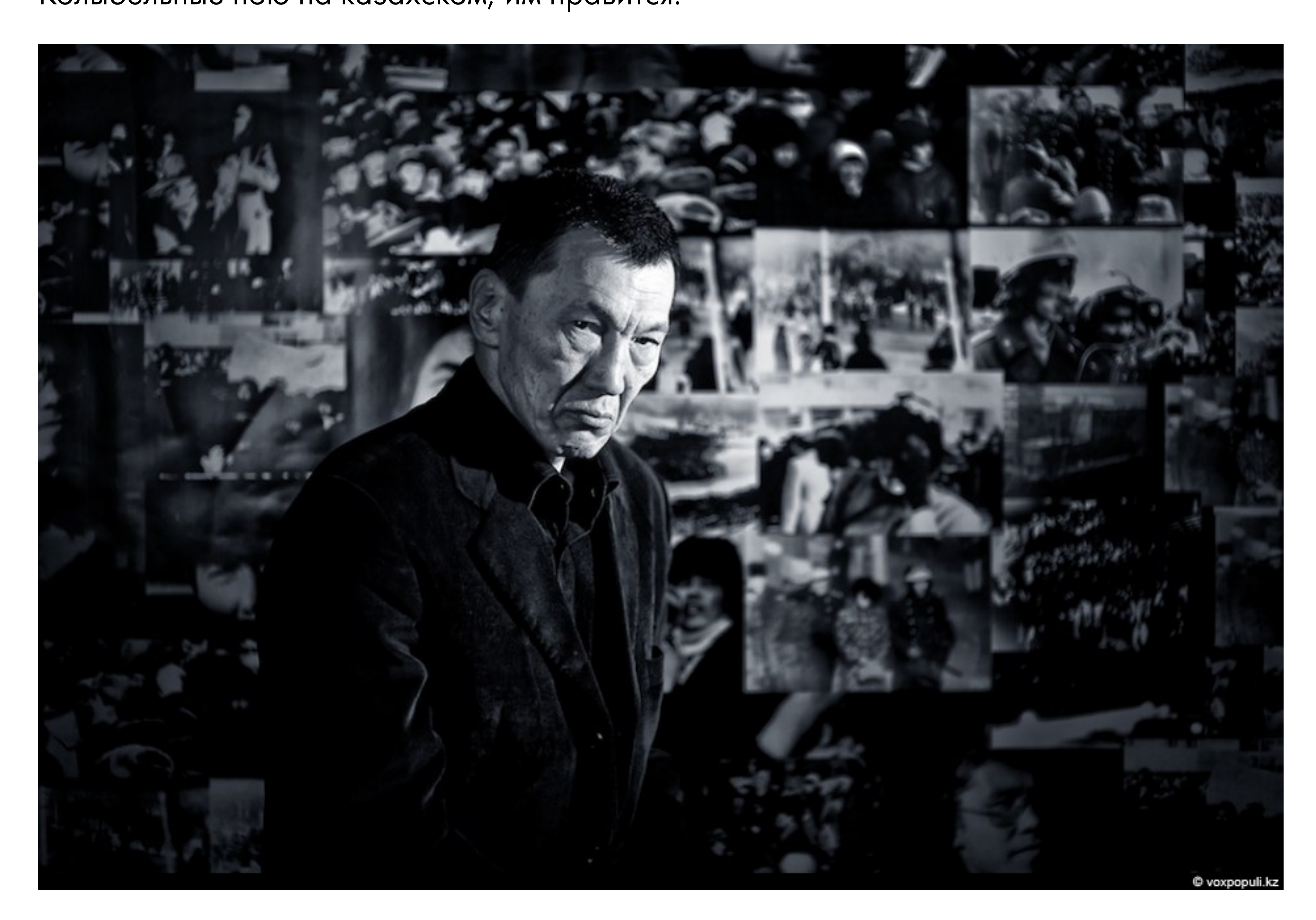
это? Там нельзя встать, нельзя лечь, можно только полусидя. Был суд 7 февраля. В здании горсуда – 4 этажа. В тот день на всех этажах шли процессы над желтоксановцами. Осудили на 6 лет. Мангышлак – Тараз – Кустанай, усиленный режим. Я отсидел 2 года 3 месяца, в марте 89-го меня выпустили. 1 апреля. Дома не поверили — думали, шучу. Хотел восстановиться в Алматы, но мать тяжело заболела. В 91-м я все-таки приехал в Алматы. Работал, метро строил. Сейчас работаю в школе завхозом. Дети выросли. Кстати, моего старшего сына – Кайрата, наши сподвижники назвали в честь Кайрата Рыскулбекова. Пусть он будет такой же патриот, только хочу, чтобы его мечты, в отличие от наших, сбылись.

Улжалгас ИСАБАЕВА, 61 год

Знаете озеро Кольсай? Я там росла, красота кругом. Приехала в Алматы в 1974-м году. Работала швеей-мотористкой, обучалась в техникуме. Вышла замуж, в 1979 у меня родилась дочь. Мне было непросто тогда. А когда из аула приезжали мои родители в город, они чувствовали себя иностранцами. Это если мы куда-нибудь за границу поедем, не зная языка, будет также. В 1986-м я училась в Нархозе на заочном и работала каменщиком-монтажником. Никакой другой работы без русского языка я найти не могла. Конечно, я пошла на площадь, мы все пошли из микрорайона Айнабулак. Пешком. Меня задержали в РОВД на 18 дней. Все женщины сказали, что я

их всех агитировала. Пять дней мой ребенок болтался на улице, пока семья не узнала, где я. Мы тогда вдвоем с дочкой жили. Пока сестренка не приехала, никто за дочкой не смотрел. Меня и не осудили, и дело не закрыли. Все время за мной кто-то ходил. Следил, все время какие-то провокации. На работе меня избивали несколько раз. Хорошо, я была сильная физически, сдачи давала. Потом меня начальник вызвал, сказал: «Проси у Колбина прощения, тогда тебя оставят в покое». Я не пошла, я ничего плохого не делала, просто стояла на площади. Уже после узнала, что мама моя ходила просить за меня, так дело и закрыли. Я не националистка, поймите. Моя близкая подруга – Марья Дмитриевна, второй муж – еврей. Ну, какая из меня националистка? Я просто хотела, чтобы у нас тоже были права. Сейчас внуков тоже так воспитываю. Колыбельные пою на казахском, им нравится.

Алибек МУЗАФФАР, 62 года

Я не умею прогибаться. К 1986-м году мне было уже 28 лет, за плечами – армия, неоконченный биофак. Разругался с преподавателем истории КПСС на последнем курсе. Ушел служить, вернулся, поступил в другой институт, работал. Дети пошли, у меня тогда было их двое: девочка и девочка. Сейчас уже трое. 18 декабря я собрал с работы ребят, посадил в автобус и мы поехали. В самую гущу. То, что было на площади, все помнят. Зачем лишний раз пересказывать? Меня с работы женщина одна заложила.

Боялась, что я ее подсижу. Упаковали меня быстро, 28 января состоялся суд. Прокурор просил 9 лет, судья дал 4 года. Этапировали на Мангышлак – подальше от Алматы. Потом в Татарстан, в Челябинск, снова Казахстан – Петропавловск. Меня не принимали везде. На зоне есть такое понятие – отказники. Это гражданские думают, что если все в черных робах, значит, все зэки, все одинаковые. А там много мастей. «Красный», «черный», «голубой». Отказник – «черный», не принимает зоновские порядки, не живет по ним. Как я мог их принять? Меня осудили ни за что. «Красные» — понятно, меня не любили, «черным» — было все равно, живешь по понятиям и ладно. Тюрьма – это маленькая ксерокопия государства, одна клетка от целого организма.

Пересмотрели мое дело в 89-м, а вышел я только в 90-м. Почему? Не хотели выпускать, наверное. *(Улыбается)* Пословицу знаете? Кому тюрьма, а кому дом родной. Мне вот – тюрьма, я не тюремный человек, это не мое. Есть люди, которые этим живут. Мне в тюрьме было плохо. Страшно не было, было плохо. Просыпаться было плохо. Мне часто снились дети, в то время им было 1,5 и 4 года, и они меня очень любили, я проводил с ними много времени, когда был на воле. Закрываю глаза – дети перед глазами. Открываю – зона. Хорошо, что в эти минуты автомата в руках не было.

Я люблю справедливость. Вот и тогда, я пошел на площадь бороться с несправедливостью. Это было время, когда несправедливо было все. Вы спрашивали, не осудил ли меня отец. Дед по линии матери был расстрелян в 37-м году. Дед со стороны отца 3 года провел под следствием, сын бая, он чудом избежал расстрела, но вышел уже больным туберкулезником и умер в 54 года. Отец все это помнил, я тоже не забывал. Поэтому отношение к каким-то вещам у меня не может быть другим. Кстати, надо признать, сейчас меня не устраивает все так же очень много вещей. Все, что сменилось – только вывеска.

Касым АБИЛКАИРОВ, 53 года

1986-й меня застал студентом второго курса архитектурного. Учебу я так и не закончил. 17-го числа я попал на площадь, там меня задержали. Да, били, тогда всех били. На суде меня обвиняли в том, что я нападал на кого-то, а я их даже не знаю. На суде была моя мать. Я в ее присутствии задал «потерпевшим» только один вопрос: какой рукой я удары наносил? Сказали – правой. А я с рождения левша. Посадили на 5 лет. Мангышлак, потом Сибирь. Потом срок снизили до двух лет. В 89-м я вышел, реабилитировали меня полностью только через 10 лет, в 96-м году, в отличие от большинства декабристов. Вот и все. Самое страшное, когда мать ко мне в тюрьму приехала и стала говорить: «Как же я без **ВАС**?» Она все время говорила: «сендер» — «вы». Я не понимал – я же думал, что я один. Оказывается, старшую сестру тоже задержали. Она была на площади, ее тоже осудили, я это только в тюрьме узнал, был в шоке. Я думал, у меня тут баланда, казенная крыша над головой, а как будут родители? И это, наверное, был двойной удар. Я не вспоминаю об этом. Не то, чтобы не люблю. Просто не вспоминаю и все. Не знаю, получилось ли у меня что-то сделать, но я никогда ни о чем не жалел. Ребятам из аулов было действительно очень тяжело. Они учились, и только язык был преградой к успешной учебе. В какой-то момент, мне кажется, мы стали забывать, кто мы. То, что случилось, не могло не случиться.

Мархаба ИБРАИМОВА, 54 года

Я мечтала стать юристом или журналистом. За этой мечтой приехала в Алматы из Семипалатинской области, села Маканчи. Нас было пять дочерей в семье и младший брат. Я побоялась в КазГУ поступать, отнесла документы в ЖенПИ. В 86-м году уже была на последнем курсе. У нас в основном учились девушки из аулов. Мимо нашего общежития шла толпа, большинство парни. Они нам кричали: «Пойдемте с нами, мы идем на площадь, выразить свое недовольство, мы пришли сюда, здесь наши казахские девушки». Мы едва успели одеться и выбежали на улицу. Шли с песнями. «Атамекен» пели и нынешний гимн. Мы пришли на площадь. Я с подругой оказалась у самой трибуны. Мы не замечали, что творилось в гуще. На трибуне кто-то выступал: по-моему, даже Багланова там была. Но Кунаев так и не вышел. Потом все стали мерзнуть, злиться, полетели снежки, все толкать друг друга стали. Мою подругу трое схватили. Она кричала так громко, я не могла уйти. Я не могла броситься на помощь, меня бы сразу скрутили. Она лежала на земле в коричневом пальто за 300 рублей. Она была старшая в семье, ее хорошо одевали. Я стала просить, чтобы ее отпустили. Один из милиционеров отпустил ее и схватил меня. Нас потащили за трибуну. Там стояли милицейские машины, машины «Скорой помощи». Я почувствовала, что сзади меня сильно пнули. Точно знаю, что это был врач. У него халат из-под куртки выглядывал. С

меня упала шапка, в такой ситуации я почему-то думала про шапку. Мы знали, как тяжело нашим родителям, они все отдавали студенту в семье. Я стала просить: «Шапка-шапка!» Этот врач поднял шапку и ударом надел на мою голову. Нас запихали в машину, она уже была полная. Привезли в РОВД, там я нашла подругу Зауреш, очень обрадовалась. Там камеры были переполнены, все люди избиты. Это был Фрунзенский РОВД. Нас с Зауреш отвели в кабинет к следователю – женщине-кореянке. Она не смогла с нами говорить. Мы ее не понимали, нас забрал какой-то молодой следователь-казах. Зауреш не выдержала, стала плакать. Она должна была выйти замуж 2 января, ее жених искал. Она показала его фотографию. Я не знаю, как зовут того следователя, может, он сам только женился, может, влюблен был. Он помог нам уйти, отпустил. Я не помню его имя, но иногда мне хочется его найти сегодня, через 26 лет. Потом меня отчислили из ЖенПИ за «аморальное поведение», исключили из комсомола. Про формулировку «аморальное поведение» я узнала, когда меня с большим трудом восстанавливали. С собой у меня справка о реабилитации. Я не жалею ни о чем, сейчас работаю в университете. Даже в то время мне попадались люди, которые относились человечно. Это и есть самое важное.

Тынышбек ЕСЖАНОВ, 54 года

Знаете, почему я сегодня молюсь Аллаху? Тогда у меня откуда-то взялись силы, думаю, он помог. Я приехал из села Жузимдик. Нас было 10 братьев и сестер, я второй. Вернулся из армии, поступил в сельхозинститут. В тот день я умом понимал: «Не надо туда идти — попаду». Я вышел, мы простояли полчаса, а потом начался разгон демонстрации – БТРы, дубинки. У меня в руках «дипломат» был, там были документы и книжки из библиотеки. Так и не вернул. Я хотел уходить с площади, смотрю – женщина лежит, не смог переступить через нее, поднял ее, повел. Нас окружили трое, начали избивать. Я «дипломатом» голову закрывал, стал кричать. Никогда в жизни не дрался ни с кем, а тут пришлось. В это время капитан, Серик его звали, я навсегда запомнил, спас меня от смерти. Он мне сказал не сопротивляться, нас отвели в автобус. Поехали вверх по аль-Фараби. Мы разбили в автобусе окно, сбежали. Это была война, а сейчас говорят: «события». Я помню, мы в горы уходили, тогда впервые Алматы сверху увидел. Вроде бежать надо, а я стоял – смотрел. Но делать нечего – вернулся в общежитие. Но мой «дипломат» остался на площади. Там документы, меня по ним и нашли. Я в жизни мухи не обидел, а тут тюрьма, следствие, для меня это все было абсурдом. Из нас делали каких-то изгоев, наркоманами называли. 5 месяцев я сидел в СИЗО, за это время ни разу не помылся. Ни разу! На пять лет посадили, отправили в Петропавловск. В «красную зону» — там всех ломают. Если ты ломаешься, то в армии таких называют – чмо, на зоне – шнырь. Сломался – ты шнырь, будешь все их распоряжения выполнять. Я дрался там. Казахи на меня натравили большого казаха, брата, считайте. Я выстоял. Бог дал мне здоровье, слышите, я выстоял? Там врачи вообще сказали: «Издохнет он». А я взял и выжил. Со своим ростом метр шестьдесят и весом в чуть больше 40 килограммов. Там русский бригадир был, он сказал: «Пусть этот парень отдельно работает». И меня оставили в покое. Я там стал учиться. Чего время терять? На сварщика учился, на токаря. Книги просил, чтобы мне приносили, я все еще мечтал доучиться. Пока я сидел там, один барак сгорел: ни одного не спасли, 27 человек заживо сгорели. Тогда я сказал отрядному: «Пока мой барак не сгорел, представьте меня к УДО». Он прислушался, я вышел, с трудом восстановился, доучился. Меня рекомендовали в аспирантуру и потом я стал кандидатом наук. «Наркоман» стал кандидатом наук. Так-то. Сейчас работаю старшим научным сотрудником и каждый день благодарю Бога за то, что он меня тогда не оставил.

сайте Voxpopuli.kz (https://voxpopuli.kz)

Фоторепортаж из золотого архива Voxpopuli.kz

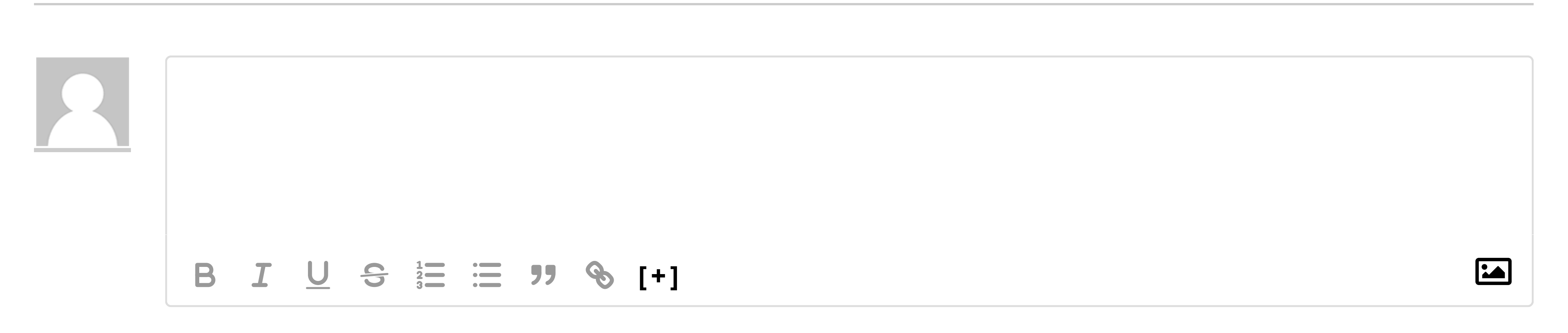

Этой статьей можно поделиться:

ВРАЧ (HTTPS://VOXPOPULI.KZ/TAGS/VRACH/), ГОРОД (HTTPS://VOXPOPULI.KZ/TAGS/GOROD/), ЖИЗНЬ (HTTPS://VOXPOPULI.KZ/TAGS/ZHIZN/), ЗАВОД (HTTPS://VOXPOPULI.KZ/TAGS/ZAVOD/), ЛЮДИ (HTTPS://VOXPOPULI.KZ/TAGS/LJUDI/), ОБЛАСТЬ (HTTPS://VOXPOPULI.KZ/TAGS/OBLAST/), ПОМОЩЬ (HTTPS://VOXPOPULI.KZ/TAGS/POMOSHH/), СЕЛО (HTTPS://VOXPOPULI.KZ/TAGS/SELO/), СУДЬБА (HTTPS://VOXPOPULI.KZ/TAGS/SUDBA/), ЧЕЛОВЕК (HTTPS://VOXPOPULI.KZ/TAGS/CHELOVEK/)

Voxpopuli(https://voxpopuli.kz/author/info-voxpopuli-kz/) | 17 декабря, 2021(https://voxpopuli.kz/2021/12/17/)

Похожие по теме

(https://voxpopuli.kz/sobache-delo-kak-bridzhit-bardo-spasaet-brodyachih-zhivotnyh-v-taraze/)

Собачье дело: как Бриджит Бардо спасает бродячих животных в Таразе (https://voxpopuli.kz/sobache-delo-kak-bridzhit-bardo-spasaet-brodyachih-zhivotnyh-v-taraze/)

(https://voxpopuli.kz/kazczink-perechislil-po-millionu-tenge-pogorelczam-v-kostanajskoj-oblasti/)

«Казцинк» перечислил по миллиону тенге погорельцам в Костанайской области (https://voxpopuli.kz/kazczink-perechislil-po-millionu-tenge-pogorelczam-v-kostanajskoj-oblasti/)

(https://voxpopuli.kz/investiczii-v-kriptovalyutu-pensionery-tozhe-delayut-eto/)

Инвестиции в криптовалюту: пенсионеры тоже делают это (https://voxpopuli.kz/investiczii-v-kriptovalyutu-pensionery-tozhe-delayut-eto/)

Свежие по теме

(https://voxpopuli.kz/defile-dlya-nastoyashhih-muzhchin-kak-prohodyat-trenirovki-roty-pochetnogo-karaula/)

Дефиле для настоящих мужчин: как проходят тренировки роты Почетного караула (https://voxpopuli.kz/defile-dlya-nastoyashhih-muzhchin-kak-prohodyat-trenirovki-roty-pochetnogo-karaula/)

(https://voxpopuli.kz/zaglyanut-akule-v-past-i-ostatsya-v-zhivyh/)

Заглянуть акуле в пасть и остаться в живых (https://voxpopuli.kz/zaglyanut-akule-v-past-i-ostatsya-v-zhivyh/)

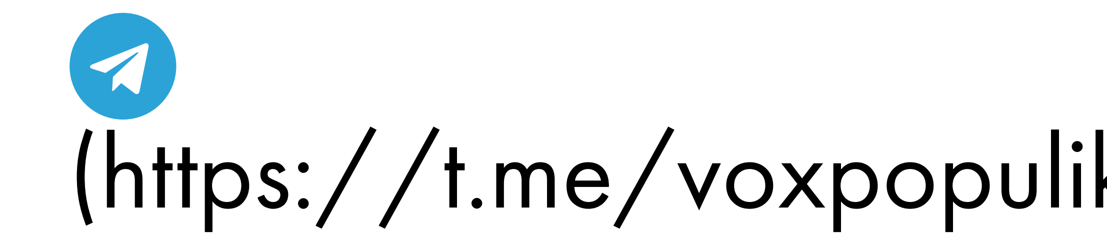

(https://voxpopuli.kz/sobache-delo-kak-bridzhit-bardo-spasaet-brodyachih-zhivotnyh-v-taraze/)

Собачье дело: как Бриджит Бардо спасает бродячих животных в Таразе (https://voxpopuli.kz/sobache-delo-kak-bridzhit-bardo-spasaet-brodyachih-zhivotnyh-v-taraze/)

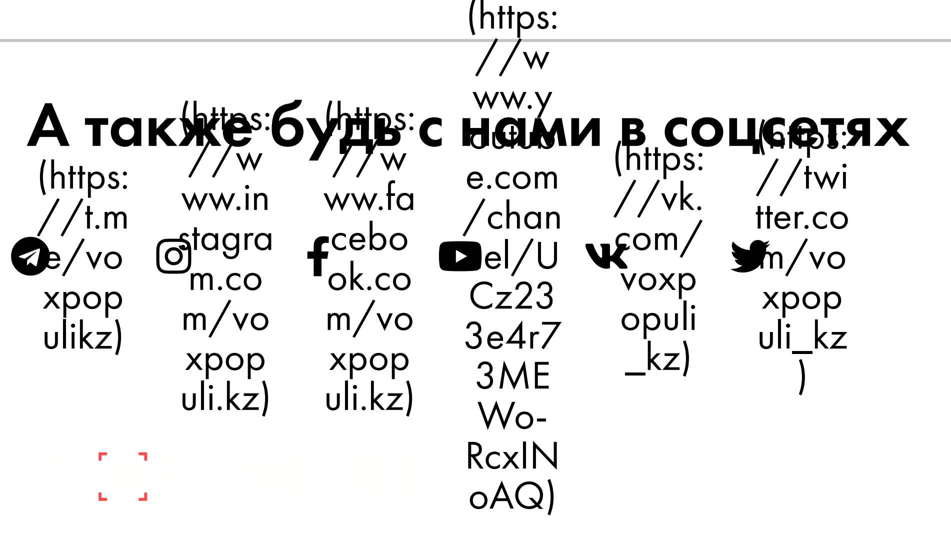
Оставайся с нами на связи

на нашем официальном
телеграм канале (https://t.me/voxpopulikz)

(https://t.me/voxpopulik

А также будь с нами в соцсетях

(https://t.me/voxpopulikz)
(https://www.instagram.com/voxpopuli.kz)
(https://www.facebook.com/voxpopuli.kz)
(https://www.youtube.com/channel/UCz233e4r73MEWo-RcxINoAQ)
(https://vk.com/voxpopuli_kz)
(https://twitter.com/voxpopuli_kz)

Наши вакансии

О проекте

Правила сайта

Реклама на сайте

Редакция

Карта сайта

По всем вопросам обращайтесь на info@voxpopuli.kz (mailto: info@voxpopuli.kz)